

А. ЛЕЙТЕС Природа одной неудачи

«Идею нельзя заменять на ведо...»
В. Михеевский.

Г.

Это были дни, которые навсегда запечатлены в сердцах и умах миллионов. Дни, когда Красная Армия штурмовала Берлин и долгожданный час победы становился конкретной реальностью. В эти дни, когда солдаты над Москвой воззвали о последних днях фашистской империи, о падении Берлина, люди не только сознавали справедливость исторической возмездия, но, вспоминая все пережитое, с исключительной силой чувствовали веяние той борьбы и тех идей, которые привели к победе.

Вот почему с особым интересом, с доверием к автору, талантливому и опытному писателю, мы начали читать новый роман Всеволода Иванова, ответственно озаглавленный «При взятии Берлина».

В центре романа — художник Виктор Михеев. Это о его переживаниях «при взятии Берлина», главным образом, рассказывает в романе. Писатель рекомендует читателю своего основного героя с самой лучшей стороны. И как храброго, волевого человека, участника боев за Берлин, и как талантлившего, умного мастера живописи. «Он попрежнему, крупным шагом наступающего художника, взобрался на крутой берег своих мыслей, шел вдоль реки искусства, влекущей обширные, плодоносные, плотные свои воды в окончательности», — так несколько велеречиво и ярко аттестует автор своего героя.

Михеев, как сказали в романе, «терпеливый, гардовый, бессловесный», он драматизирует четверых. «Такой он заприметил, видный, точно верготный столб на повороте дороги», — говорит о нем один полковник. У Михеева, по выражению автора, «сентиментность и энергия воли соединились с продuktивной и творческой силой мышления, как в мае месяце тепла и свет соединяются с землей».

Естественно, хочется полюбить такого значительного героя. Естественно, хочется перевоплотиться в него, чувствовать и мыслить вместе с Михеевым. Но всем нашим стремлением полюбить его, жить чувствами, мыслями, наблюдениями и переживаниями героя мы с горечью ощущаем невозможность осуществить это желание.

Почему? Может быть, потому, что в стиле автора, и в особенности в языке его персонажей, немало претенциозного? В самом деле, говорит ли Михеев о войне, об искусстве, о любви, — во всем этом есть какая-то напряженность, искусственная приподнятость, рационалистичность. Вот, к примеру, как звучит его задумчивая беседа с генералом Кочергиным на подступах к Берлину:

«...то, что мы сейчас с вами видим, есть идея категорического доложествования. Фашизм хочет играть роль Немезиды, злой, завистливой, не допускающей, чтобы люди были велики и сильны и побеждали бы им. Эта бесчувственная багрово-коровья фраза, пересекающая все слово сообщение о чудесном соке жизни, въявляемом Торбинским мукоми, — попытка создать почури Немезиды. Но человек в огне огня жизни, — да не побоимся этого слова! — встал и обнажил раза навсегда, что он сам себе судья, — и он создал эту торжествующую великую силу, которая несет нас к Берлину!»

Вопрос шел не о парадных мундирах и не о парадных замыслах фашистов, а о чем-то более серьезном и опасном для нашего народа и человечества. В риде фразы «При взятии Берлина» туман напущено много, а смысла почти не видать.

II.

Было бы, однако, упрощением облечь чувство неудовлетворенности, возникшее у нас при чтении романа, таинственным образом объясняться в него, чувствовать и мыслить вместе с Михеевым. Но всем нашим стремлением полюбить его, жить чувствами, мыслями, наблюдениями и переживаниями героя мы с горечью ощущаем невозможность осуществить это желание.

Почему? Может быть, потому, что в стиле автора, и в особенности в языке его персонажей, немало претенциозного?

В самом деле, говорит ли Михеев о войне, об искусстве, о любви, — во всем этом есть какая-то напряженность, искусственная приподнятость, рационалистичность. Вот, к примеру, как звучит его задумчивая беседа с генералом Кочергиным на подступах к Берлину:

«...то, что мы сейчас с вами видим, есть идея категорического доложествования. Фашизм хочет играть роль Немезиды, злой, завистливой, не допускающей, чтобы люди были велики и сильны и побеждали бы им. Эта бесчувственная багрово-коровья фраза, пересекающая все слово сообщение о чудесном соке жизни, въявляемом Торбинским мукоми, — попытка создать почури Немезиды. Но человек в огне огня жизни, — да не побоимся этого слова! — встал и обнажил раза навсегда, что он сам себе судья, — и он создал эту торжествующую великую силу, которая несет нас к Берлину!»

И вот мы вместе с Михеевым «маршируем вдоль смыслов жизни». Это происходит не только тогда, когда он участвует в походе на Берлин, но и тогда, когда для этого — в уютной московской квартире — художник пытается обнажиться в любви — Саше Озимовой.

«Я убежден, — говорит он ей, — что расширение умственного горизонта приводит подицю такое же успокаивающее действие на страсти, как и продолжительный опыт на того, кто жил».

Лирически баседам между собой, Михеев и Саша Озимкова не столько обнажаются в любви, сколько разговаривают об ее идеях.

«А любовь — идея? В том смысле, Виктор Ильин, что есть конечные идеи. Конечная идея — она или не есть еще более высшая?» — спрашивает Саша.

Михеев пытается ей доказать, что «настоящую любовь есть еще более высшая идея» — идея самопожертвования.

Странный разговор об идеях продолжается. «Разве идея — застывшая позора, которую надо все время подталкивать?» — спрашивает Саша. Михеев отвечает: нет, идея это — «подать, которую должны выслушивать все мы».

Мы готовы допустить, что автор заставляет влюбленных людей разговаривать в таком стиле ради «расширения умственного горизонта». Мы способны предположить, что писатель вкладывает в уста своих героев эти разоревые фразы, чтобы дать нам представление о них, как о «людях отвлеченного ума!» Но перевоплотиться в характер Михеева Сашин нам очень трудно, тем более, что и сам автор говорит о чувствах героях таким же неуклюже-разоревским фразами.

Желая убедить нас в глубоких душевных переживаниях Михеева, мечущегося

В. Иванов. «При взятии Берлина». «Новый мир», № 1-2, 3, 4-5, 6, 1940 г.

между чувством семейного долга и любовью к Саше, Всеволод Иванов пишет: «Если раньше это предметы, предметы, посыпавшие его по одному — два раза в день, то теперь линко осела, встегнувшись по сто раз, гробовь вилась в него». Читая о «предметах», которые «то склоняются, то «склоняются», то «встают» по его раза, это «гребу вписываются в него», мы, как ни стараемся, не можем заразиться эмоциями Михеева.

И волею и не убеждает нас писатель и тогда, когда пытается показать творческую лабораторию художника или его воспоминания. К тому же здесь всплыла обычай для него рационалистичности появляются чуть ли не мистические фразы, столь же коносмично и туманно выраженные. Вот, к примеру, как разговаривает Михеев, получив задание написать портрет в три недели:

«...разве не странно, что задачу всей жизни нужно решить в три недели... А по месяцу? Где ты забыл, как в детстве бабка тебе рассказывала о Монсе. Долго ли он поднимался в гору, чтобы в гроте и буре получить скрижали Завета, которыми сложены затем жил его народ? И разве не гром и буря в твоей душе, и не возвышение на гору, чтобы обычай для него рационалистичности появлялся чуть ли не мистическое фразы, столь же коносмично и туманно выраженные. Вот, к примеру, как разговаривает Михеев, получив задание написать портрет в три недели:

«...разве не странно, что задачу всей жизни нужно решить в три недели... А по месяцу? Где ты забыл, как в детстве бабка тебе рассказывала о Монсе. Долго ли он поднимался в гору, чтобы в гроте и буре получить скрижали Завета, которыми сложены затем жил его народ? И разве не гром и буря в твоей душе, и не возвышение на гору, чтобы обычай для него рационалистичности появлялся чуть ли не мистическое фразы, столь же коносмично и туманно выраженные. Вот, к примеру, как разговаривает Михеев, получив задание написать портрет в три недели:

«...разве не странно, что задачу всей жизни нужно решить в три недели... А по месяцу? Где ты забыл, как в детстве бабка тебе рассказывала о Монсе. Долго ли он поднимался в гору, чтобы в гроте и буре получить скрижали Завета, которыми сложены затем жил его народ? И разве не гром и буря в твоей душе, и не возвышение на гору, чтобы обычай для него рационалистичности появлялся чуть ли не мистическое фразы, столь же коносмично и туманно выраженные. Вот, к примеру, как разговаривает Михеев, получив задание написать портрет в три недели:

«...разве не странно, что задачу всей жизни нужно решить в три недели... А по месяцу? Где ты забыл, как в детстве бабка тебе рассказывала о Монсе. Долго ли он поднимался в гору, чтобы в гроте и буре получить скрижали Завета, которыми сложены затем жил его народ? И разве не гром и буря в твоей душе, и не возвышение на гору, чтобы обычай для него рационалистичности появлялся чуть ли не мистическое фразы, столь же коносмично и туманно выраженные. Вот, к примеру, как разговаривает Михеев, получив задание написать портрет в три недели:

«...разве не странно, что задачу всей жизни нужно решить в три недели... А по месяцу? Где ты забыл, как в детстве бабка тебе рассказывала о Монсе. Долго ли он поднимался в гору, чтобы в гроте и буре получить скрижали Завета, которыми сложены затем жил его народ? И разве не гром и буря в твоей душе, и не возвышение на гору, чтобы обычай для него рационалистичности появлялся чуть ли не мистическое фразы, столь же коносмично и туманно выраженные. Вот, к примеру, как разговаривает Михеев, получив задание написать портрет в три недели:

«...разве не странно, что задачу всей жизни нужно решить в три недели... А по месяцу? Где ты забыл, как в детстве бабка тебе рассказывала о Монсе. Долго ли он поднимался в гору, чтобы в гроте и буре получить скрижали Завета, которыми сложены затем жил его народ? И разве не гром и буря в твоей душе, и не возвышение на гору, чтобы обычай для него рационалистичности появлялся чуть ли не мистическое фразы, столь же коносмично и туманно выраженные. Вот, к примеру, как разговаривает Михеев, получив задание написать портрет в три недели:

«...разве не странно, что задачу всей жизни нужно решить в три недели... А по месяцу? Где ты забыл, как в детстве бабка тебе рассказывала о Монсе. Долго ли он поднимался в гору, чтобы в гроте и буре получить скрижали Завета, которыми сложены затем жил его народ? И разве не гром и буря в твоей душе, и не возвышение на гору, чтобы обычай для него рационалистичности появлялся чуть ли не мистическое фразы, столь же коносмично и туманно выраженные. Вот, к примеру, как разговаривает Михеев, получив задание написать портрет в три недели:

«...разве не странно, что задачу всей жизни нужно решить в три недели... А по месяцу? Где ты забыл, как в детстве бабка тебе рассказывала о Монсе. Долго ли он поднимался в гору, чтобы в гроте и буре получить скрижали Завета, которыми сложены затем жил его народ? И разве не гром и буря в твоей душе, и не возвышение на гору, чтобы обычай для него рационалистичности появлялся чуть ли не мистическое фразы, столь же коносмично и туманно выраженные. Вот, к примеру, как разговаривает Михеев, получив задание написать портрет в три недели:

«...разве не странно, что задачу всей жизни нужно решить в три недели... А по месяцу? Где ты забыл, как в детстве бабка тебе рассказывала о Монсе. Долго ли он поднимался в гору, чтобы в гроте и буре получить скрижали Завета, которыми сложены затем жил его народ? И разве не гром и буря в твоей душе, и не возвышение на гору, чтобы обычай для него рационалистичности появлялся чуть ли не мистическое фразы, столь же коносмично и туманно выраженные. Вот, к примеру, как разговаривает Михеев, получив задание написать портрет в три недели:

«...разве не странно, что задачу всей жизни нужно решить в три недели... А по месяцу? Где ты забыл, как в детстве бабка тебе рассказывала о Монсе. Долго ли он поднимался в гору, чтобы в гроте и буре получить скрижали Завета, которыми сложены затем жил его народ? И разве не гром и буря в твоей душе, и не возвышение на гору, чтобы обычай для него рационалистичности появлялся чуть ли не мистическое фразы, столь же коносмично и туманно выраженные. Вот, к примеру, как разговаривает Михеев, получив задание написать портрет в три недели:

«...разве не странно, что задачу всей жизни нужно решить в три недели... А по месяцу? Где ты забыл, как в детстве бабка тебе рассказывала о Монсе. Долго ли он поднимался в гору, чтобы в гроте и буре получить скрижали Завета, которыми сложены затем жил его народ? И разве не гром и буря в твоей душе, и не возвышение на гору, чтобы обычай для него рационалистичности появлялся чуть ли не мистическое фразы, столь же коносмично и туманно выраженные. Вот, к примеру, как разговаривает Михеев, получив задание написать портрет в три недели:

«...разве не странно, что задачу всей жизни нужно решить в три недели... А по месяцу? Где ты забыл, как в детстве бабка тебе рассказывала о Монсе. Долго ли он поднимался в гору, чтобы в гроте и буре получить скрижали Завета, которыми сложены затем жил его народ? И разве не гром и буря в твоей душе, и не возвышение на гору, чтобы обычай для него рационалистичности появлялся чуть ли не мистическое фразы, столь же коносмично и туманно выраженные. Вот, к примеру, как разговаривает Михеев, получив задание написать портрет в три недели:

«...разве не странно, что задачу всей жизни нужно решить в три недели... А по месяцу? Где ты забыл, как в детстве бабка тебе рассказывала о Монсе. Долго ли он поднимался в гору, чтобы в гроте и буре получить скрижали Завета, которыми сложены затем жил его народ? И разве не гром и буря в твоей душе, и не возвышение на гору, чтобы обычай для него рационалистичности появлялся чуть ли не мистическое фразы, столь же коносмично и туманно выраженные. Вот, к примеру, как разговаривает Михеев, получив задание написать портрет в три недели:

«...разве не странно, что задачу всей жизни нужно решить в три недели... А по месяцу? Где ты забыл, как в детстве бабка тебе рассказывала о Монсе. Долго ли он поднимался в гору, чтобы в гроте и буре получить скрижали Завета, которыми сложены затем жил его народ? И разве не гром и буря в твоей душе, и не возвышение на гору, чтобы обычай для него рационалистичности появлялся чуть ли не мистическое фразы, столь же коносмично и туманно выраженные. Вот, к примеру, как разговаривает Михеев, получив задание написать портрет в три недели:

«...разве не странно, что задачу всей жизни нужно решить в три недели... А по месяцу? Где ты забыл, как в детстве бабка тебе рассказывала о Монсе. Долго ли он поднимался в гору, чтобы в гроте и буре получить скрижали Завета, которыми сложены затем жил его народ? И разве не гром и буря в твоей душе, и не возвышение на гору, чтобы обычай для него рационалистичности появлялся чуть ли не мистическое фразы, столь же коносмично и туманно выраженные. Вот, к примеру, как разговаривает Михеев, получив задание написать портрет в три недели:

«...разве не странно, что задачу всей жизни нужно решить в три недели... А по месяцу? Где ты забыл, как в детстве бабка тебе рассказывала о Монсе. Долго ли он поднимался в гору, чтобы в гроте и буре получить скрижали Завета, которыми сложены затем жил его народ? И разве не гром и буря в твоей душе, и не возвышение на гору, чтобы обычай для него рационалистичности появлялся чуть ли не мистическое фразы, столь же коносмично и туманно выраженные. Вот, к примеру, как разговаривает Михеев, получив задание написать портрет в три недели:

«...разве не странно, что задачу всей жизни нужно решить в три недели... А по месяцу? Где ты забыл, как в детстве бабка тебе рассказывала о Монсе. Долго ли он поднимался в гору, чтобы в гроте и буре получить скрижали Завета, которыми сложены затем жил его народ? И разве не гром и буря в твоей душе, и не возвышение на гору, чтобы обычай для него рационалистичности появлялся чуть ли не мистическое фразы, столь же коносмично и туманно выраженные. Вот, к примеру, как разговаривает Михеев, получив задание написать портрет в три недели:

«...разве не странно, что задачу всей жизни нужно решить в три недели... А по месяцу? Где ты забыл, как в детстве бабка тебе рассказывала о Монсе. Долго ли он поднимался в гору, чтобы в гроте и буре получить скрижали Завета, которыми сложены затем жил его народ? И разве не гром и буря в твоей душе, и не возвышение на гору, чтобы обычай для него рационалистичности появлялся чуть ли не мистическое фразы, столь же коносмично и туманно выраженные. Вот, к примеру, как разговаривает Михеев, получив задание написать портрет в три недели:

«...разве не странно, что задачу всей жизни нужно решить в три недели... А по месяцу? Где ты забыл, как в детстве бабка тебе рассказывала о Монсе. Долго ли он поднимался в гору, чтобы в гроте и буре получить скрижали Завета, которыми сложены затем жил его народ? И разве не гром и буря в твоей душе, и не возвышение на гору, чтобы обычай для него рационалистичности появлялся чуть ли не мистическое фразы, столь же коносмично и туманно выраженные. Вот, к примеру, как разговаривает Михеев, получив задание написать портрет в три недели:

«...разве не странно, что задачу всей жизни нужно решить в три недели... А по месяцу? Где ты забыл, как в детстве бабка тебе рассказывала о Монсе. Долго ли он поднимался в гору, чтобы в гроте и буре получить скрижали Завета, которыми сложены затем жил его народ? И разве не гром и буря в твоей душе, и не возвышение на гору, чтобы обычай для него

Верность своей теме

Выход в свет нового романа П. Замойского «Молодость» совпал с пятидесятилетием со дня рождения автора. Совпадение, разумеется, случайное, но в то же время и знаменательное: если не формально, то по существу роман этот можно считать как бы итогом почти 25-летней работы писателя над своей темой. Правительство, отмечая литературные заслуги П. Замойского, наградило его орденом Трудового Красного Знания.

Литературная деятельность П. Замойского началась с миниатюр и коротких рассказов для детей. Герои его первых произведений — это обычно энергичные, смешные деревенские подростки из белорусских семей. (Сб. «Куделя» — 1925 г., «Первый сон» — 1928 г.).

Многие из этих рассказов и по композиции и по стилю были еще художественно незрелы, очерковы; некоторые герои часто рассуждали и действовали не по детским, их образам были психологические мало оправданы, усложнены. Но эти недостатки искупались искренностью, теплотой, любви к автора к своим героям, его страстным желанием «споднить» их над действительностью. И уже тогда было видно, что начинающий писатель превосходно знает и горячо любит деревню, крестьянский труд, белорусскую молодежь.

Деревенской тематике П. Замойский осталась верен и в дальнейшей своей работе. Чрез некоторое время он выступил с большим романом «Лапти» (1929—30 гг.). Как и многие рассказы для детей, этот роман, а затем и повесть «Земля распаханая», «Платина», «Левин доль», «Песлак» созданы на автобиографическом материале, на основе виденного и пережитого самим автором.

Выросшие, возмужавшие дети-подростки, деревенских был, труд, показанные в первых рассказах, ожили вновь на страницах романа и повестей. Смуглые, инстинктивные стремления и поступки прежних подростков оформились, их кипучая энергия нашла выход: они активно участвуют в социалистическом преобразовании деревни. Таковы — Петка, Степан, Прасковья, («Лапти»), Алексей, Ефимка («Земля распаханая») и др.

Роман «Лапти» свидетельствовал о значительных достижениях писателя, о его идеальном и художественном росте. Однако от некоторых недостатков, присущих первым книжкам, П. Замойский еще не сумел освободиться: в романе заметны композиционные срывы, слабо индивидуализированные языки персонажей и т. п. Несмотря на это, роман читался с большим интересом, автор получал от читателей много писем, в которых выражалось сожаление о дальнейшей судьбе героя...

В повестях «Левин доль», «Подлакс», особенно в романе «Молодость» П. Замойский выступает уже вполне художником.

Перед нами стоят большие трудности. Работая над деревенским материалом, по существу — над одной темой, уже знакомой читателю, он должен был все время опасаться «переворота самого себя». В романе повествование ведется от первого лица, что ограничивает возможности художника в широком обективном изображении событий, более глубоком анализе переживаний и поступков героев, их жизненной правдивости и т. д.

Эти трудности писатель преодолел.

Деревня накануне 1917 года. С фронта возвращается инвалидом главный герой романа — Петр Иванович. В деревне — застужение, страшная нужда, горе. Кулаки и их сыны, откутившиеся от военной службы, багровят, закабают бедного. Растет недовольство, ненависть к существующему строю. Петр Иванович, приезжающий в отпуск фронтовики, инвалиды организуются, ведут агитацию. Февральская революция, борьба за землю весной и летом 1917 года, Октябрь...

Как живые смотрят на вас со страницы романа, разговаривают с вами мати Петра Ивановича, мать его товарища Матрена, Фили, кулацким сыном Николай Гарара, помещиком Сабуренков. Остаются в памяти сцены приезда Петра с фронта, посещение Матрены, собрание, на котором решался вопрос о прогоне скота по кулацкой земле, и другие сцены.

Тепло, любовно показывает автор своего героя в семье, при встрече с любими девушкой, в делах общественных. Читатель видит героя, следит за ростом его классового самосознания.

Превосходное знание деревенского быта, крестьянского труда, крестьянской психологии или богатый материал для художественного изображения лиц, характеров, сцен, событий, воскрешающих деревню 1916—17—18 годов.

П. Замойский. «Молодость». Роман. М. «Советский писатель». 1946.

Мих. МАТУСОВСКИЙ Молодость не кончается!

Юноша, начинаяющим поэтом довелось мне попасть впервые в небольшой кабинет Павла Григорьевича Антокольского, где с трудом вмещавшаяся на полках, теснились книги, а на стенах висели портреты друзей. Среди них были актеры, писатели, военные. Они неизменно присутствовали в этой комнате, как постоянные и незримые собеседники и спутники поэта. Подбор книг на полках здесь был совершенно особый, да и отношение к ним особое. Здесь были только любимые и близкие книги, так же необходимые в жизни и работе, как портреи друзей на зеленых стенах. Позже я узнал, что через этот кабинет прошел не один молодой поэт моего поколения, да и сейчас московская литературная молодежь всегда шумит и теснится в этой комнате. Сюда приходят юноши из военных гимназий, сохранивших еще следы погон, читают стихи, слушают своих товарищей и уходят, надолго окрыленные.

Молодость Антокольского неразрывно связана с театром. В студенческой драматической студии, под руководством Вахтангова, прошел он театральную школу — от простого рабочего сцены до актера и режиссера. В это же время под влиянием романтических блоковских драм Антокольский начал писать свои первые пьесы. И поньне Антокольский работает в театре. В городе Гарьков им поставлено несколько спектаклей с молодыми актерами молодого театра.

Поэт Антокольский потерял на войне сына. Его памяти он посвятил свою лучшую поэму «Сын», которая надолго останется памятником молодым воинам нашей эпохи, погибшим на полях Великой Отечественной войны. «Молодой и любопытный» — юноша, ушедший из семьи, из близкого мира, пустивший ко дну свое судно, но не отдавший его в руки врага. Они ясно возникают перед нами, «люди с чистой совестью», солдаты, верные своей правде и мечте. Не напрасно баллада Антокольского «О мальчике, оставшемся неизвестным», напечатанная в 1942 году в сотнях тысяч экземпляров, разбрзывалась с самолета, как листовка для населения, временно подавшего под власть немецких захватчиков.

Поэт Антокольский потеряв на войне сына. Его памяти он посвятил свою лучшую поэму «Сын», которая надолго останется памятником молодым воинам нашей эпохи, погибшим на полях Великой Отечественной войны. «Молодой и любопытный» — юноша, ушедший из семьи, из близкого мира, пустивший ко дну свое судно, но не отдавший его в руки врага. Они ясно возникают перед нами, «люди с чистой совестью», солдаты, верные своей правде и мечте. Не напрасно баллада Антокольского «О мальчике, оставшемся неизвестным», напечатанная в 1942 году в сотнях тысяч экземпляров, разбрзывалась с самолета, как листовка для населения, временно подавшего под власть немецких захватчиков.

Поэт Антокольский потеряв на войне сына. Его памяти он посвятил свою лучшую поэму «Сын», которая надолго останется памятником молодым воинам нашей эпохи, погибшим на полях Великой Отечественной войны. «Молодой и любопытный» — юноша, ушедший из семьи, из близкого мира, пустивший ко дну свое судно, но не отдавший его в руки врага. Они ясно возникают перед нами, «люди с чистой совестью», солдаты, верные своей правде и мечте. Не напрасно баллада Антокольского «О мальчике, оставшемся неизвестным», напечатанная в 1942 году в сотнях тысяч экземпляров, разбрзывалась с самолета, как листовка для населения, временно подавшего под власть немецких захватчиков.

Поэт Антокольский потеряв на войне сына. Его памяти он посвятил свою лучшую поэму «Сын», которая надолго останется памятником молодым воинам нашей эпохи, погибшим на полях Великой Отечественной войны. «Молодой и любопытный» — юноша, ушедший из семьи, из близкого мира, пустивший ко дну свое судно, но не отдавший его в руки врага. Они ясно возникают перед нами, «люди с чистой совестью», солдаты, верные своей правде и мечте. Не напрасно баллада Антокольского «О мальчике, оставшемся неизвестным», напечатанная в 1942 году в сотнях тысяч экземпляров, разбрзывалась с самолета, как листовка для населения, временно подавшего под власть немецких захватчиков.

Поэт Антокольский потеряв на войне сына. Его памяти он посвятил свою лучшую поэму «Сын», которая надолго останется памятником молодым воинам нашей эпохи, погибшим на полях Великой Отечественной войны. «Молодой и любопытный» — юноша, ушедший из семьи, из близкого мира, пустивший ко дну свое судно, но не отдавший его в руки врага. Они ясно возникают перед нами, «люди с чистой совестью», солдаты, верные своей правде и мечте. Не напрасно баллада Антокольского «О мальчике, оставшемся неизвестным», напечатанная в 1942 году в сотнях тысяч экземпляров, разбрзывалась с самолета, как листовка для населения, временно подавшего под власть немецких захватчиков.

Поэт Антокольский потеряв на войне сына. Его памяти он посвятил свою лучшую поэму «Сын», которая надолго останется памятником молодым воинам нашей эпохи, погибшим на полях Великой Отечественной войны. «Молодой и любопытный» — юноша, ушедший из семьи, из близкого мира, пустивший ко дну свое судно, но не отдавший его в руки врага. Они ясно возникают перед нами, «люди с чистой совестью», солдаты, верные своей правде и мечте. Не напрасно баллада Антокольского «О мальчике, оставшемся неизвестным», напечатанная в 1942 году в сотнях тысяч экземпляров, разбрзывалась с самолета, как листовка для населения, временно подавшего под власть немецких захватчиков.

Поэт Антокольский потеряв на войне сына. Его памяти он посвятил свою лучшую поэму «Сын», которая надолго останется памятником молодым воинам нашей эпохи, погибшим на полях Великой Отечественной войны. «Молодой и любопытный» — юноша, ушедший из семьи, из близкого мира, пустивший ко дну свое судно, но не отдавший его в руки врага. Они ясно возникают перед нами, «люди с чистой совестью», солдаты, верные своей правде и мечте. Не напрасно баллада Антокольского «О мальчике, оставшемся неизвестным», напечатанная в 1942 году в сотнях тысяч экземпляров, разбрзывалась с самолета, как листовка для населения, временно подавшего под власть немецких захватчиков.

Поэт Антокольский потеряв на войне сына. Его памяти он посвятил свою лучшую поэму «Сын», которая надолго останется памятником молодым воинам нашей эпохи, погибшим на полях Великой Отечественной войны. «Молодой и любопытный» — юноша, ушедший из семьи, из близкого мира, пустивший ко дну свое судно, но не отдавший его в руки врага. Они ясно возникают перед нами, «люди с чистой совестью», солдаты, верные своей правде и мечте. Не напрасно баллада Антокольского «О мальчике, оставшемся неизвестным», напечатанная в 1942 году в сотнях тысяч экземпляров, разбрзывалась с самолета, как листовка для населения, временно подавшего под власть немецких захватчиков.

Поэт Антокольский потеряв на войне сына. Его памяти он посвятил свою лучшую поэму «Сын», которая надолго останется памятником молодым воинам нашей эпохи, погибшим на полях Великой Отечественной войны. «Молодой и любопытный» — юноша, ушедший из семьи, из близкого мира, пустивший ко дну свое судно, но не отдавший его в руки врага. Они ясно возникают перед нами, «люди с чистой совестью», солдаты, верные своей правде и мечте. Не напрасно баллада Антокольского «О мальчике, оставшемся неизвестным», напечатанная в 1942 году в сотнях тысяч экземпляров, разбрзывалась с самолета, как листовка для населения, временно подавшего под власть немецких захватчиков.

Поэт Антокольский потеряв на войне сына. Его памяти он посвятил свою лучшую поэму «Сын», которая надолго останется памятником молодым воинам нашей эпохи, погибшим на полях Великой Отечественной войны. «Молодой и любопытный» — юноша, ушедший из семьи, из близкого мира, пустивший ко дну свое судно, но не отдавший его в руки врага. Они ясно возникают перед нами, «люди с чистой совестью», солдаты, верные своей правде и мечте. Не напрасно баллада Антокольского «О мальчике, оставшемся неизвестным», напечатанная в 1942 году в сотнях тысяч экземпляров, разбрзывалась с самолета, как листовка для населения, временно подавшего под власть немецких захватчиков.

Поэт Антокольский потеряв на войне сына. Его памяти он посвятил свою лучшую поэму «Сын», которая надолго останется памятником молодым воинам нашей эпохи, погибшим на полях Великой Отечественной войны. «Молодой и любопытный» — юноша, ушедший из семьи, из близкого мира, пустивший ко дну свое судно, но не отдавший его в руки врага. Они ясно возникают перед нами, «люди с чистой совестью», солдаты, верные своей правде и мечте. Не напрасно баллада Антокольского «О мальчике, оставшемся неизвестным», напечатанная в 1942 году в сотнях тысяч экземпляров, разбрзывалась с самолета, как листовка для населения, временно подавшего под власть немецких захватчиков.

Поэт Антокольский потеряв на войне сына. Его памяти он посвятил свою лучшую поэму «Сын», которая надолго останется памятником молодым воинам нашей эпохи, погибшим на полях Великой Отечественной войны. «Молодой и любопытный» — юноша, ушедший из семьи, из близкого мира, пустивший ко дну свое судно, но не отдавший его в руки врага. Они ясно возникают перед нами, «люди с чистой совестью», солдаты, верные своей правде и мечте. Не напрасно баллада Антокольского «О мальчике, оставшемся неизвестным», напечатанная в 1942 году в сотнях тысяч экземпляров, разбрзывалась с самолета, как листовка для населения, временно подавшего под власть немецких захватчиков.

Поэт Антокольский потеряв на войне сына. Его памяти он посвятил свою лучшую поэму «Сын», которая надолго останется памятником молодым воинам нашей эпохи, погибшим на полях Великой Отечественной войны. «Молодой и любопытный» — юноша, ушедший из семьи, из близкого мира, пустивший ко дну свое судно, но не отдавший его в руки врага. Они ясно возникают перед нами, «люди с чистой совестью», солдаты, верные своей правде и мечте. Не напрасно баллада Антокольского «О мальчике, оставшемся неизвестным», напечатанная в 1942 году в сотнях тысяч экземпляров, разбрзывалась с самолета, как листовка для населения, временно подавшего под власть немецких захватчиков.

Поэт Антокольский потеряв на войне сына. Его памяти он посвятил свою лучшую поэму «Сын», которая надолго останется памятником молодым воинам нашей эпохи, погибшим на полях Великой Отечественной войны. «Молодой и любопытный» — юноша, ушедший из семьи, из близкого мира, пустивший ко дну свое судно, но не отдавший его в руки врага. Они ясно возникают перед нами, «люди с чистой совестью», солдаты, верные своей правде и мечте. Не напрасно баллада Антокольского «О мальчике, оставшемся неизвестным», напечатанная в 1942 году в сотнях тысяч экземпляров, разбрзывалась с самолета, как листовка для населения, временно подавшего под власть немецких захватчиков.

Поэт Антокольский потеряв на войне сына. Его памяти он посвятил свою лучшую поэму «Сын», которая надолго останется памятником молодым воинам нашей эпохи, погибшим на полях Великой Отечественной войны. «Молодой и любопытный» — юноша, ушедший из семьи, из близкого мира, пустивший ко дну свое судно, но не отдавший его в руки врага. Они ясно возникают перед нами, «люди с чистой совестью», солдаты, верные своей правде и мечте. Не напрасно баллада Антокольского «О мальчике, оставшемся неизвестным», напечатанная в 1942 году в сотнях тысяч экземпляров, разбрзывалась с самолета, как листовка для населения, временно подавшего под власть немецких захватчиков.

Поэт Антокольский потеряв на войне сына. Его памяти он посвятил свою лучшую поэму «Сын», которая надолго останется памятником молодым воинам нашей эпохи, погибшим на полях Великой Отечественной войны. «Молодой и любопытный» — юноша, ушедший из семьи, из близкого мира, пустивший ко дну свое судно, но не отдавший его в руки врага. Они ясно возникают перед нами, «люди с чистой совестью», солдаты, верные своей правде и мечте. Не напрасно баллада Антокольского «О мальчике, оставшемся неизвестным», напечатанная в 1942 году в сотнях тысяч экземпляров, разбрзывалась с самолета, как листовка для населения, временно подавшего под власть немецких захватчиков.

Поэт Антокольский потеряв на войне сына. Его памяти он посвятил свою лучшую поэму «Сын», которая надолго останется памятником молодым воинам нашей эпохи, погибшим на полях Великой Отечественной войны. «Молодой и любопытный» — юноша, ушедший из семьи, из близкого мира, пустивший ко дну свое судно, но не отдавший его в руки врага. Они ясно возникают перед нами, «люди с чистой совестью», солдаты, верные своей правде и мечте. Не напрасно баллада Антокольского «О мальчике, оставшемся неизвестным», напечатанная в 1942 году в сотнях тысяч экземпляров, разбрзывалась с самолета, как листовка для населения, временно подавшего под власть немецких захватчиков.

Поэт Антокольский потеряв на войне сына. Его памяти он посвятил свою лучшую поэму «Сын», которая надолго останется памятником молодым воинам нашей эпохи, погибшим на полях Великой Отечественной войны. «Молодой и любопытный» — юноша, ушедший из семьи, из близкого мира, пустивший ко дну свое судно, но не отдавший его в руки врага. Они ясно возникают перед нами, «люди с чистой совестью», солдаты, верные своей прав